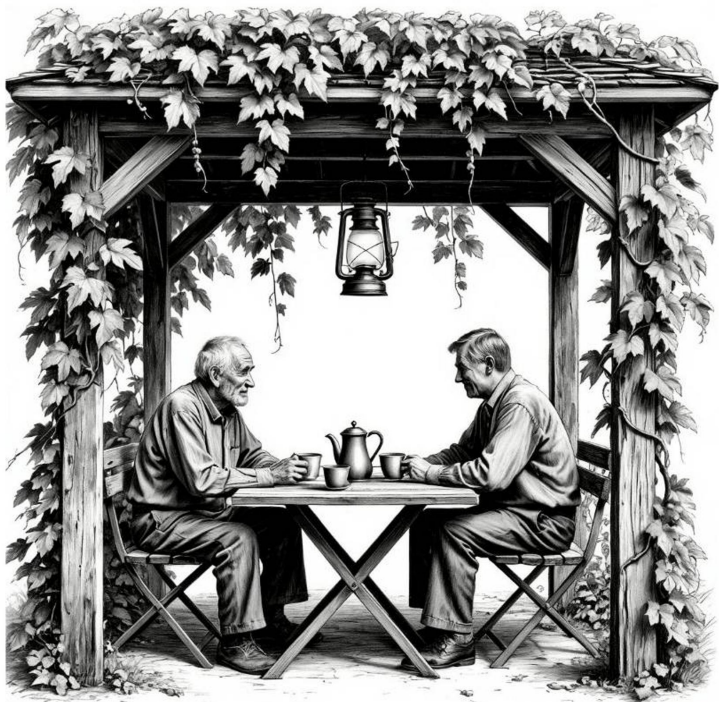

НИКОЛАЙ

Философский рассказ о споре
отца и сына о смысле бытия,
гибели Запада и русском пути

АРТАМОНОВ

Москва 2026

РАССВЕТ

ДОГОНЯЮЩЕГО

Николай Артамонов

Рассвет догоняющего

<https://litres.ru/74384633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы – успешный городской житель. У вас есть всё: карьера, технологии, уверенность в завтрашнем дне. Вы привыкли оценивать мир через призму эффективности, прогресса и неоспоримых достижений Запада. Но однажды, приехав в глухую деревню к отцу, вы сталкиваетесь с тем, что рушит все ваши представления. Ваш старый, немощный на вид отец — носитель утраченной мудрости — за одну ночь развенчивает культ современной западной философии, вскрывая её пустоту и духовную кастрацию. Он проводит вас через историю мысли — от Сократа до Деррида, от «бритвы Оккама» до постмодерна, доказывая, что «прогрессивный» Запад мёртв. А Россия, со всей её тоской по целому, единственный хранитель живого Логоса. Это не просто спор — это выбор судьбы.

Содержание

Часть 1. Утро в деревне	4
Часть 2. Античная и современная философия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Артамонов

Рассвет догоняющего

Часть 1. Утро в деревне

Солнце еще не успело как следует вызолотить макушки сосен, а гравий на подъездной дорожке уже зашуршал, потревоженный широкими шинами внедорожника. Машина, еще хранившая в своем прохладном салоне искусственный холод кондиционера и призрачный запах офисного пластика, остановилась у покосившегося, но все еще крепкого штакетника. Хлопнула дверь, и тишину, сотканную из птичьего гомона и шелеста ветра в кронах старых яблонь, разрезал звук торопливых шагов.

Сын приехал. Он вышел из машины не как гость, а как ревизор: собранный, напряженный, с зажатой в руке связкой ключей, среди которых позвякивал ключ от ворот. Он не стал тратить время на то, чтобы вдохнуть полной грудью этот густой, настоящий на разнотравье и речной влаге воздух. Не заметил, как алеют на клумбе георгины, посаженные еще по весне. Его мир был миром прямых линий, дедлайнов и неумолимого тайм-менеджмента. Город, этот ненасытный Молох, и здесь держал его за горло, не позволяя расслабиться ни на секунду. Ритм мегаполиса, пульсирующий где-то в

подсознании басовой нотой, гнал его вперед.

Отец, заметив машину еще из окна, вышел на крыльцо. Он ступал медленно, по-стариковски основательно ставя ноги в стоптанных войлочных туфлях. В его глазах, выцветших от времени, но не утративших ясности, светилась тихая, незамутненная радость. Он не видел сына уже несколько месяцев – долгих, тягучих, наполненных тишиной и одиночеством. И сейчас, глядя на то, как уверенно и крепко тот шагает по дорожке, старик почувствовал, как где-то глубоко внутри отпускает туго закрученная пружина тревоги.

– Сынок..! Добрался, – голос отца прозвучал глуховато, но тепло.

– Папа! – сын наконец поднял глаза от телефона и широко улыбнулся, ускоряя шаг.

Они обнялись. Сын почувствовал, каким легким и почти невесомым стал отец за последние годы, как хрупко и доверчиво обнимают его в ответ стариковские руки. На миг городская скорлупа дала трещину, и в эту трещину хлынуло что-то родное, из детства – запах табака и яблок, тепло и спокойствие.

– Ты как, пап? Выглядишь хорошо. Загорел!

– А что мне сделается? Воздух, солнце, тишина. Живу, как в раю. Ну, пойдем в дом, ты с дороги, чай поставлю...

– Чай подождет, пап. Давай я сначала дела переделаю. Расскажешь, что тут у тебя барахлит? Фильтры менял? Котел как?

Сын, коротко чмокнув отца в небритую щеку, уже скрылся за углом дома, к тому месту, где располагался узел водоснабжения. Отец остался стоять на крыльце, провожая его взглядом. Он знал эту привычку сына – сначала дело, потом всё остальное. И не обижался. Просто тихо радовался, что он здесь.

Весь день сын с мрачным упорством сражался с зарослями крапивы, пробирался к колодцу, долго и придирчиво осматривал насос, менял фильтры, сквозь зубы ругая известковый налет. Потом, словно хирург на операции, вскрыл панель газового котла и, вооружившись отверткой и манометром, погрузился в дебри диагностики. Весь день, как белка в колесе, он бегал от инженерных систем к бытовой технике и был максимально увлечен чисткой, диагностикой и обслуживанием. Пот стекал по его лбу, городская рубашка промокла на спине и прилипла к телу, но он не останавливался. Это был его способ выражать любовь – через действие, через починку, через приведение хрупкого деревенского быта в соответствие с его представлениями о надежности. Он словно пытался залатать прорехи в мире, который считал слишком ненадежным для своего старика.

А отец всё это время сидел на старой скамейке под яблоней, наблюдая за сыном. Его старые, узловатые пальцы спокойно лежали на коленях, но в груди теплилась глубокая, почти молитвенная благодарность. Он видел, как тот, морщась от напряжения, разбирает заклинивший вентиль, как сосре-

доточно изучает инструкцию к насосу, которую сам старик не мог осилить. Вся эта техника, эти гудящие коробки с кнопками и датчиками, всегда казались отцу непонятными и чуждыми. А для сына они были открытой книгой. И старик ценил эту помощь, это молчаливое сыновнее служение, выраженное не в словах, а в действии. Но всё же, где-то глубже, за эту благодарность просачивалось иное, еще более сильное чувство – ожидание. Отец ждал не починенных труб и не настроенного котла. Он ждал момента, когда они наконец сядут рядом и заговорят. Того, что было для него самым большим дефицитом в этом деревенском раю – простого, живого общения. Он скучал по голосам своих детей, по смеху внуков, по новостям из большого мира. И, глядя на склоненную над котлом спину сына, он тихо надеялся, что вечером они наверстают упущенное за месяцы молчания.

И только когда солнце, устав от дневной битвы, начало клониться к закату, окрашивая небо в немыслимые оттенки багрянца и расплавленного золота, сын, наконец, выпрямился. Его руки, перепачканные мазутом и ржавчиной, устало повисли. Отец, всё это время молча наблюдавший за его титаническими трудами, просто кивнул в сторону увитой диким виноградом беседки. Там, на грубом деревянном столе, уже стоял старый, пузатый заварочный чайник, сильно потрепанный жизнью электрический чайник, исходивший тонкой струйкой пара, и две разномастные чашки. Это было безмолвное приглашение к разговору. К тому самому разгово-

ру, ради которого, возможно, и была затеяна вся эта поездка. Сын вымыл руки под рукомойником, чувствуя, как холодная вода обжигает разгоряченную кожу, и тяжелой походкой направился к беседке. Диалог еще не начался, но его тени уже сгущались под сводами старой постройки.

Они уселись на жесткие деревянные лавки, и старый заварочный чайник, казалось, был единственным источником жизни в сгущавшихся сумерках. Первые глотки обжигающего, терпкого чая прошли в молчании – том уютном, почти ритуальном молчании, которое бывает только между по-настоящему близкими людьми. Отец смотрел на сына поверх края своей чашки – старой, с треснувшим блюдцем, но любимой, – и на сердце у него теплело.

– Ну, рассказывай, сынок, – наконец произнес он тихо, и в его голосе прозвучала та особенная, бережная интонация, с какой просят открыть самую дорогую шкатулку. – Как там твои? Как жена, как внуки? Давно я их не видел. Карточки в телефоне – это одно, а живое слово – совсем другое.

Сын, всё ещё разгоряченный дневной работой, сделал большой глоток чая и откинулся к деревянной спинке скамьи. Привычным движением он потер переносицу – жест, всегда выдававший в нем крайнюю степень усталости, смешанной с желанием собраться с мыслями.

– Жена нормально, пап. Крутится, как и все мы. Работа, дом, уроки у детей. Она тебе привет большой передавала, говорила – обязательно приезжай, мол, отец там один, скучает.

Дочь наша... ты не поверишь, как выросла. Уже на фортепиано играет, недавно конкурс выиграла. Серьезная такая стала, всё время с книжкой. А сын – тот всё с футболом носится, коленки вечно разбитые. Боевой парень растёт. Просился со мной к дедушке, да я не взял – школа, секции. Обиделся.

Отец слушал и тихо, едва заметно улыбался. Каждое слово, падающее с губ сына, ложилось ему на душу, как бальзам. Он мысленно представлял себе внучку за пианино – наверное, уже высокая, стройная, с косичками, как у матери в детстве. И внука – лохматого, вихрастого, с вечно сбитыми локтями. Как же давно он их не обнимал...

– А сестра? – спросил старик, чуть подавшись вперед. – Как у нее дела? Что племянник, тоже, небось, вымахал?

– Сестра... – сын чуть помедлил, подбирая слова. – У них всё по-старому. Работает много, муж тоже в разъездах. Племянник в этом году в школу пошел, представляешь? Букварь уже читает. Она всё сокрушается, что далеко ты, что не может помочь. У них ремонт затянулся, она нервная ходит, но в целом держится. Про тебя спрашивала. Когда, говорит, отшельник наш наконец одумается и вернется.

Последнюю фразу сын произнес чуть более резко, чем следовало, и в воздухе повисла недосказанность. Это был мостик. Тот самый мостик, который неминуемо вел от семейных новостей к главной, давно наболевшей теме.

Сын, всё еще не остывший от дневной гонки, сделал еще один большой глоток чая и, не в силах больше сдерживать

клокотавшее внутри раздражение, начал. Его голос звучал резко, как скрежет металла по стеклу.

– Пап, ну вот скажи мне, зачем? Зачем ты сбежал сюда? Это же край света! Ты сидишь тут один, как сыч. Ни души вокруг. Мы все с ума сходим в городе. Жена с детьми могла бы заезжать каждый день, помогать, а теперь что? Внуки тебя почти не видят. Случись что с сердцем ночью – и всё, никто даже не узнает. Мы же переживаем, неужели непонятно? Этот твой отъезд – чистой воды эгоизм, прости господи. Сидел бы в теплой квартире, с лифтом, с консержем, под боком у всех. Нет, тебе подавай глухомань, комаров и бездорожье!

Он говорил напористо, рубя воздух ладонью, как привык на совещаниях. В его словах сквозила обида пополам со страхом – тот липкий страх городского жителя перед беспомощностью перед лицом природы и обстоятельств.

Отец, не поднимая глаз, аккуратно помешивал ложечкой чай в своей чашке. На его морщинистом лице не дрогнул ни один мускул. Когда он заговорил, его голос был тих и спокоен.

– Понимаю, сынок. Понимаю твое волнение. И за него благодарен. Но пойми и ты меня. Свой долг я выполнил сполна. Ты и сестра – вот моя гордость, мои крылья. Я поставил вас на ноги, дал вам в руки компас и карту. А теперь... мой корабль ищет тихую гавань. Город, о котором ты так печешься, он ведь не просто большой, сынок. Он хищный. Ты

молод, ты борешься, ты привык к его ритму. А я... я слышу в его шуме не симфонию прогресса, а какофонию распада. Этот вечный гул, выхлопные газы, спешащие, дерганные люди с пустыми, как витрины, глазами... Твой город высасывал из меня остатки жизни, как паук высасывает соки из пойманной мухи. Каждая поездка в метро была для меня пыткой, каждый поход в супермаркет – унижением. Я задыхался там от негатива, он пропитал стены и въелся в асфальт. А здесь... здесь я дышу. Здесь я слышу, как растет трава. И это не метафора. Мне здесь спокойно.

Старик поднял глаза на сына, и в них не было ни укора, ни вызова, лишь бездонная, усталая любовь.

– Ты говоришь «изоляция», сынок. Ты сейчас о чем? О политике?

Часть 2. Античная и современная философия

Сын резко поставил чашку на блюде, и звон этот был похож на звон скрестившихся клинков перед началом дуэли. Вечерний воздух, густой и неподвижный, казалось, сгустился еще сильнее, словно сама природа затаила дыхание в ожидании этого разговора.

– А то ты сам не понимаешь, пап? Конечно, о политике! Мы окончательно и бесповоротно поругались со всем цивилизованным миром. С Западом. Понимаешь? С тем самым Западом, который дал нам право, науку, технологии, самую идею прогресса! Они там, в своей Европе и Америке, строят будущее, а мы тут опять оказались «догоняющими», запертыми в своем медвежьем углу. Они – локомотив истории, а мы – вечно отставший вагон на запасном пути. И эта наша изоляция – она меня бесит! Это тупик, папа. Мы варимся в собственном соку, в то время как они создают новые смыслы, новую этику, новую философию!

Отец усмехнулся в седые усы и, не торопясь, отпил глоток чая. Движения его были медленны, исполнены какого-то ритуального достоинства, которое так бесило сына в минуты споров. Это спокойствие действовало на него как красная тряпка. Ему была понятна позиция сына. Он жил в большом

городе и был вынужден подчиняться его законам и правилам. Но так ли легко подчиняться? Чтобы подавить внутреннее противоречие, избегая слепого подчинения, мы ищем оправдания и логические объяснения тем правилам, по которым живем. И обязательно яростно отстаиваем эти правила если кто-то пытается их переделать или хотя бы пытается назвать их неправильными.

– Прогресс, говоришь. Новые смыслы... – голос старика звучал задумчиво, и в нем слышался отзвук какой-то древней, устоявшейся мудрости, словно эхо, прилетевшее из глубины веков. – А что есть прогресс, сынок? Бесконечное усложнение форм при забвении сути? Ты вот апеллируешь к их философии. Хорошо. Давай поговорим об этом. Только давай начнем не с их «новинок», не с этой мишуры, которую они выдают за последнее слово мысли. Давай начнем с фундамента. С тех, кто научил Европу мыслить. С трех афинских старцев, которые две с половиной тысячи лет назад задали все главные вопросы. Скажи мне, как человек образованный, что было в основе мышления Сократа, Платона и Аристотеля, и что предлагает ваш хваленый Запад сегодня? В чем суть различий? Только не лозунгами, а по существу. Давай разберем мир до винтика. Раз уж ты приехал, и у нас есть эта ночь – давай потратим ее с толком.

Сын, задетый за живое, подался вперед. Он почувствовал себя в родной стихии интеллектуального спора, где можно было разить оппонента логикой, словно шпагой. В офисе его

побаивались именно за это – за умение в несколько ходов разнести любую аргументацию, за способность находить слабые места в любой, самой стройной концепции.

– Да легко! Их античность – это наивная сказка, пап! Прекрасная, но мертвая. Возьмем онтологию – учение о бытии как таковом, о том, что значит «быть». Для твоих греков реальность – это что-то объективное, идеальное, не зависящее от нашего сознания и восприятия. Платон со своим миром идей – помнишь? – где существует идеальный стол, идеальная лошадь, идеальная справедливость, а всё, что мы видим вокруг – лишь бледные, несовершенные копии этих вечных образцов. Аристотель с его «формами», которые, в отличие от платоновских идей, находятся не где-то в заоблачных высях, а в самих вещах, но сути это не меняет: форма первична, материя – лишь глина, которой придают очертания. Они искали какую-то вечную, застывшую, раз и навсегда заданную структуру космоса. Для них бытие было строгой иерархией, лестницей, ведущей от мертвой материи к вершине – абсолютному Благу, которое у Платона сияет, как солнце в царстве идей. Истина для них – это не то, что мы создаем или открываем в процессе исследования. Это то, что есть, предвечно и неизменно. Задача человека – не изобрести истину, а вспомнить ее, как у Платона, или узреть через созерцание и логику, как у Аристотеля. Это, папа, корреспондентная теория истины – истина как соответствие мысли объективному положению вещей.

Сын перевел дыхание, чувствуя, как аргументы выстраиваются в стройную линию атаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.